

ДЕНИСОВ

ПУТЬ НА КРИСТУ

Закрытые воды

Глава первая

Пароход из прошлого

– Обещаю вам, дети, что у нас будет самое настоящее приключение! – с придыханием заявила учительского вида тётка, и зомбированный отряд, хором забормотав что-то восторженное, с энтузиазмом потащил разноцветные рюкзаки по коридору главной палубы к своим каютам.

Подивившись на такую дисциплину и получив у стойки свой ключ, я пошёл к трапу на верхнюю палубу. Больше в руках ничего не было. Ключ оценил сразу, таких капитальных запоров сейчас уже не делают, перевелись заказчики, не встречал даже в столичном пафосе. Замок в двери каюты соответственный – старая бронза и крепкая сталь. С обратной стороны в конструкции имелся хитрый выдвижной крюк с шариком на конце, можно вставлять в паз, дверь фиксируется на жёстком «приоткрытом стопоре»: щель в три пальца, очень удобно, и сквознячок лёгкий, и злонамеренную руку внутрь не просунешь. Шарик за годы эксплуатации совершенно не стёрся, отличная закалка. Интересно, почему именно у немцев всё так отлично получается? На века.

Судно сделано в Гамбурге, компанией «Бейт и К°», наверняка давно уже почившей. А пароход остался.

– Это у вас всё? – осторожно спросил юноша стюард.

Плохие у нас стюарды, без школы, да и откуда бы ей взяться. Старается парень, но не знает, как правильно. Стой да молчи, тебе скажут, если нужно будет сказать! Всё у вас, не всё у вас... Я окинул взглядом невеликую кучу барахла у двери, легко пересчитал. Три саквояжа, три футляра – комплект из буйволового кожи специальной выделки, стиль «усталый белый охотник на носорогов», сделано в Индии, на заказ. Два сака... неподъёмные, а один вообще непереносимый. Настолько большой и тяжёлый, что внутри его держит металлический каркас, держат тушу кита рёбра. Даже не знаю, сколько всё это добро весит, сам я таскать их не собирался: встретят-выгрузят-увезут.

– Бвана или маста, – буркнул я.

– Что, простите?

– Всё на месте, говорю, – и показал рукой внутрь, мол, втаскивай, давай, мой юный бой, втаскивай, чего замер? Или ты думаешь, что бвана сам потащит всё это в каюту? На немецком плыть, по-немецки жить. Работай! Стюард опомнился, двумя руками ухватил сумки и с трудом поволок их в моё временное пристанище. Кивнув головой, я сунул парню новенькую купюру. Чёрт вас знает, как вы в коллективе регламентируете чаевые, да и не очень интересуется, сам решать буду.

– Меню ресторана...

– Сейчас?

– Через сорок минут, – уточнил я, посмотрев на часы.

Люксовая каюта оказалась... сложно описать.

Всё крошечное и вместе с тем солидное, как можно сделать такое? Две комнаты, душ с туалетом. Нет, с туалетиком. В спальне – шикарная кровать на двоих, почти не оставляющая места для прохода возле стены, две тумбочки по бокам и хитрые выдвижные ящички напротив. Потянешь за ручки на себя и чуть вбок – они выдвигаются гармошкой. Дерево в пазах смазано воском, скользит легко, потом откидывается по стальным направляющим. Обалдеть, как тут сумрачный немецкий техноизвращенец орудовал! Немецкое затягивает, не предам. Уже который год в жирных кругах модны различные «роверы», а я по-прежнему предпочитаю большие мерсовские джипы. Весной было

поддался, уже прикинул к заднице – буквально – четвёртый «Дискавери» в люксе, но в последний момент переиграл, опять взял «немца».

Во второй комнатке, которую я, с вашего позволения, обзову кабинетом, имелся дубовый письменный стол с зеленым сукном, тёмно-красный мягкий стул с гнутой спинкой и миниатюрный диван такого же гарнитура напротив. Лампа с большим зелёным абажуром, тоже кондовый антик, наверное, в её успокаивающем свете хорошо ждать Пегаса или строчить философско-партийные воззвания. Рядом графин с чистой водой. Вот небольшой холодильник, белый ящик паскудного современного вида почему-то стоял встык с благородным деревом векового стола. Полный диссонанс, потеря стиля. А... места другого не нашлось, вот в чём дело! Что хоть в нём... Минералки много, кола, соки, пиво разных марок, которое я пью редко. Другого спиртного нет.

Что имеем с видами на обнажённую северную натуру? Широкие окна в комнатках каюты, выходящей на левый борт верхней палубы, стекло в них вмонтировано толстенное, старое, похоже, родное. С лёгкой синевой.

Нормальные комнаты. Или это не комнаты, а отсеки? Да плевать, я не моряк, мне все эти «рундуки» и «полубаки» – сбоку. Но всё равно интересно, как любое новое. Так, я уже знаю, что наше судно, как говорят моряки, ошвартовано лагом, то есть стоит бортом к причальной стенке – случайно услышал на посадке, когда пара производственных буратин переругивалась на дебаркадере с боцманом из экипажа.

Внизу под каждым окном притаилась бронзовая ручка-крутилка. Не удержался, уцепил рычажок, опробовал, – в каюту тут же ворвался свежий речной воздух. Это пять! Крутишь, и тяжёлая рама с приятным лёгким рокотом плавно опускается до «куда скажешь». Вниз вертится легко, вверх с усилием.

Есть розетки на двести двадцать вольт, живём! Я как-то забыл при покупке билета пробить столь важный вопрос – капитальный прокол. Вспомнил поздно и сейчас чуточку волновался, на подъезде к причалу утешая себя мыслями: «На аварийный случай есть у нас некая хитрая шняга» и «Не могли же они в матобеспечении довольно дорогого ретрокруиза не предусмотреть банально необходимых сервисных услуг!». Ну, слава богу, не подвели владельцы, подумали.

Пару раз в путешествиях на старых судах я нарывался на полное отсутствие розеток: «Уважаемые пассажиры, вы можете зарядить свои сотовые телефоны на ресепшн». Предложит умный человек такое? Чтобы скучающая девчонка разглядывала на моём смартфоне всё то, что вообще никто на свете не должен видеть? Серьёзный человек свой сотовый даже кошке Мурке не доверит. Увы, подавляющая часть нашего народа наивна и доверчива... А ставить пароли – тот ещё геморрой, их столько копится, что вечно путаешься и боишься забыть. А у меня два айфона, вот такая теперь дурь и мода. Раньше «удачный» народ скупал «верту», но с тех пор, как айфон окончательным стал «наше всё», ситуация для «верту» чрезвычайно усложнилась. Моя «вертушка» с платиновыми кнопками уже года три валяется в бардачке «Трэкола», как бросил после одной из охот, так и осталась. Большинству деловых вербально как бы плевать, но... не помню, у кого подсмотрел. Дайте три! Типа, на всех разные симки: для дела, для жены, для дружков-полюбовниц. Дамы ещё пытаются на презентациях вытаскивать из ридикюлей телефоны в стразах, но это уже смешно.

Саквояжи стояли по углам.

Раскрывать приданое полностью я и не собирался, всё потребное для проживания на борту в течение недели мной тщательно отобрано и уложено в саквояж «со слонами». Тиснёными. А вот сак «с баранами», после выемки спиртного и некоторых мелочей, станет поклажей второй очереди. Если только не хватит, что вряд ли. Огромный сак-баул открывать точно не потребует, там хранится чисто охотничье снаряжение, которого много, и патроны, коих очень много, если считать по весу. Только для гладкого полтыщи штук. Знаю я все эти мульки-прульки, проходили. То один забудет, то другой, имея кошелёк, достаточный для покупки патронной фабрики, берёт откровенное дерьмо, то

егерь вовремя не подвезёт. Ну и пострелушки-хохотушки, без этого вообще никогда не обходится, особенно в непогоду, когда охоты нет, а пить в лагере горькую скучно. Тарелочки там, баночки...

Кроме того, привычка у меня давняя: всё своё ношу с собой. Точнее, так – многое из необходимого ездит и носится при мне. Футляры тем более можно спрятать. Да и нужно. В двух – стволы, в третьем спиннинги и снасти – на троллинг да нахлыст.

Шкаф здесь весьма необычный. Плоский, много в такой не всунешь, моё же влезет. Зато есть много крючков на стенах. Отчего-то чувствуется сразу, что места их размещения оставались неизменными более сотни лет, никто не покусился перевесить. Заходишь, снимаешь шляпу – чуть повёл рукой, она сама собой оказывается на нужном крючке. Вот для плаща, вот для зонтов... Прелесть, шарить не надо даже в темноте. Тогда ещё не существовало такой науки, как эргономика, а мелочное удобство было. Нет ли тут связи?

Из холодильника я быстренько сотворил походный бар. Распилил одиозный «Хеннеси», причем самый дешёвый, – грешен, именно такой люблю, – водочку, шоколад, маленькие баночки с закусками – нормально, почти цивиль. Никаких текил и прочих самогонов класса виски для эстетствующего плебса.

Потом поставил на письменный стол компактный спутниковый «Иридиум-экстрим», военный класс прочности, шестьдесят шесть спутников и защищённый «панасовский» ноутбук, посидел, огляделся и встал, решив, что вторая комната почти оживлена.

И на том устал, хватит пахать, пора на свежий воздух.

Сняв с крючка тёмно-зелёную суконную куртку, я подумал и надел мягкую кожаную шляпу. Нет, не стетсон, увольте, не люблю показушную колхозную ковбойщину, этот шик из Австрии привёз. На дух не переваривая любой, даже самый пафосный камуфляж, я давно уже предпочитаю одеваться в старом-добром, многократно проверенном северном европейско-охотничьем варианте: кожа, сукно, хлопок, изредка технология. Никакого меха. Чтобы не возвращаться к теме: не люблю милитаристиль, а также джинсы, фланелевые клетчатые рубашки и грубые тяжёлые ботинки.

На двери под блестящей биркой «Люкс №1» в прорези уже стояла аккуратная белая полоска с надписью «Г.К. Ростоцкий» – это я. Сильно, сильно... Нужна ли такая афишка? Да пусть висит! Покрасуемся, раз так принято, что тут плохого может произойти.

Кстати, а почему «Люкс №1», если других на судне просто нет, я план помню. Надо будет спросить у шкипера, благо, соседи. Напротив моего люкса соответствующей табличкой – «Капитан И.А. Самарин» – обозначена каюта капитана корабля, размеры те же, может, даже чуть побольше. Я с любопытством пошёл по узкому коридору, трогая рукой облицовку из панелей благородной древесины. Стюард сказал, что это палисандр. Вполне может быть.

Сразу за капитанским жилищем, так же, как и с моей стороны, на обе палубы выходили тяжёлые двери с латунными поручнями. Далее по короткому узкому коридору – выступ, внутри которого наверх выходит единственная труба парохода, а за ним спряталась каюта судового врача. Напротив – маленький туалет, душевая и еще одна каюта, на этот раз без надписи и бирки. Замыкал коридор музыкальный салон, так и записанный таблично. Толкнул дверь – не заперто. Оглядев неожиданно просторное полукруглое помещение, я сразу же оценил стеклянную панораму с видом на корму, сейчас частично задрапированную тяжёлыми бархатными шторами ядовито-лилового цвета. Много мягких стульев, составленных дугой вдоль стены, два академического вида книжных шкафа, где хранится небольшая библиотека книг, изданных лет 50–60 назад, и маленькое пианино, таких прежде я никогда не видел!

С другой стороны коридорчика красивый трап с массивными перилами винтом уходил вниз, на главную палубу, прямо к стойке ресепшн с одной стороны и ресторанчику с буфетом в носовой части, с другой. Там же, на главной, находятся и все остальные

пассажиры каюты, класс первый, других нет, никаких трюмных бомжатников, пропахших тухлой браконьерской рыбой.

В передней части коридор верхней палубы заканчивался комнатой для бездельников, так и написано – «Клуб». Вот он заперт, жаль, надо бы разобраться с доступом, комфорт с видом по ходу судна мне интересен. Или здесь журфиксы?

Больше ничего интересного на верхней палубе не было. Выходит, я тут вообще один жилец, вот так вот. Впрочем, судя по цене люкса, уже только его покупка обеспечивала половину бюджета всего рейса. Несмотря на то, что я, конечно же, предварительно посмотрел в Сети на пароходик и доступные интерьеры на сайте, действительность, как всегда, оказалась несколько иной. Гораздо более живой, фактурной и, без сомнения, привлекательной.

Над верхней палубой находилась капитанская рубка с длинными крыльями ходового мостика. Шеф в белом костюме и чёрной с золотом фуражке стоял на левом крыле и согласно нормам ТБ или что там у них рулит осуществлял безопасный отход судна. Большая чёрная труба паровой машины дымила еле-еле, на маневре работал дизелёк. Командовал капитан в самый настоящий рупор.

На нас смотрела оживающая воскресная Дудинка.

А вот и мои стоят возле большой чёрной машины, помощник с водителем. Зрителей много, всем нравилось. Я тоже приосанился, приняв пластическую позу лорда Рокстона из «Затерянного мира». Отважный одинокий путешественник на верхней палубе под томными женскими взглядами, знатный холостяк. Сверкнули вспышки.

Первоначально судно было растянуто на двух концах, мёртво стояло.

– Отдать кормовые! – раздалось сверху без всяких театральных ноток.

Кто-то пробежал внизу, тихо выматерившись в ответ, что-то упало с жестяным звуком. Начались хитрые маневры.

– Руль лево на борт!

– Полный передний ход! Толчок машиной вперёд! Раз, два, три...

– Стоп! Прямо руль!

В результате маневра пароходик очень медленно начал продвигаться вперёд, арки огромных гребных колёс отодвинулись от причала, корма чуть дрогнула. Носовые канаты, в смысле, швартовы, кэп пока не отдавал, они страшно натянулись, мне показалось, что вот-вот порвутся!